

УДК 81.091

ФИЛОСОФИЯ ДЖОНА УИЛЬЯМА ДРЕЙПЕРА В ТВОРЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Н.С. ЛЕСКОВА

© 2014 г.

О.В. Макаревич

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

philologolga@gmail.com

Поступила в редакцию 09.06.2014

Рассматривается позиция Н.С. Лескова по одному из наиболее дискутируемых в периодике 1860–1880-х гг. вопросу об отношениях между религией и наукой. Материалом для осмысления позиции писателя становятся записные книжки, художественные произведения и публицистика Н.С. Лескова, его маргиналии в книге Дж.У. Дрейпера.

Ключевые слова: творчество Н.С. Лескова, философия Дж.У. Дрейпера, разное верие, религия, наука.

Проблематика многих художественных и публицистических произведений Николая Семеновича Лескова связана с религиозным многоголосием русского общества, с «религиозным разномыслием» и «разноверием», что отмечал и сам писатель: «Я занимаюсь церковною историею, я люблю этот предмет больше, чем «блудниц, радующихся о блуде», и питаю уверенность, что самые глубокие и самые серьезные движения в русском самосознании неразрывно сцеплены с движением религиозной мысли» («Послание к кривотолку», 1884). Лесковское понимание русского религиозного разномыслия рассматривалось в науке в разных аспектах: этнографическом, историко-биографическом, с точки зрения «социологии религии» или через призму этноконфессиональной проблематики. Однако вопрос о точке зрения писателя на соотношение науки и религии в лесковиане еще не ставился.

Материалом для ответа на вопрос о соотношении религии и науки в восприятии Н.С. Лескова могут стать пометы, сделанные писателем в книге Джона Уильяма Дрейпера¹, которая в русском переводе называлась «История отношений между католицизмом и наукой» (1876). Известность его идеи в России получили благодаря переводу его книг на русский язык: 1866 г. – «История умственного развития Европы» (History of the intellectual development of Europe), 1876 г. – «История отношений между католицизмом и наукой» (History of the conflict between religion and science). Уже сам перевод заглавия второго произведения характеризует отношение большей части русского общества к поднятой проблеме: слово «религия» (а Дрейпер говорит не только о католицизме, но и о религиях вообще), заменено на «католицизм»,

что сужает поставленные в книге вопросы и в то же время подчеркивает, что они не воспринимаются как органичные для русского общества.

В отзывах на книги Дрейпера рецензенты отмечают прежде всего глобальный пессимизм, проявляющийся в утверждении неизбежности гибели общества. Одностороннее понимание деизма, которое было скорее ответом на не принимавшуюся Дрейпером социалистическую идеологию, приводит к тому, что гармоническое начало философ видит лишь в природе.

Одна из наиболее полных рецензий на книгу, опубликованная в журнале «Странник», принадлежит «П-чу»²[1]. Несмотря на согласие по нескольким вопросам (например, по вопросу осуждения папизма), книга вызывает у критика однозначно негативную оценку:

– по мнению автора рецензии, Новый Завет даже неверующими авторами должен учитываться как исторический источник;

– П-ч не согласен с Дрейпером, считающим возможным соединить в представлении человека доказанную наукой гелиоцентрическую систему и ту модель мира, которая представлена в Библии;

– недостаточное знание Дрейпером богословия приводит, по мнению автора рецензии, к неправильному ответу на вопрос о критерии истины в христианстве.

Очень подробную и крайне негативную рецензию «Современная ученость и христианство. Дж.У. Дрэйпер. История отношений между католицизмом и наукой. Перевод с английского под редакцией А.Н. Пыпина. 1876» [2] опубликовал журнал «Православное обозрение». Автор статьи, подписавшийся инициалами М.П., в своей рецензии приводит подлинное название книги вместо изменившего акценты русского перевода и считает систему доказательств, приведен-

ных в исследовании Дрейпера, антинаучной, а позицию автора – крайне субъективной:

... в «Истории столкновений» за веру выступают люди, и притом главным образом фанатики и невежды, а за науку – она сама в своем отвлеченном, идеальном виде <...> Между тем подобных изображений того, что могли или должны почувствовать те или другие люди, что могло или должно случиться и чего не случилось, в «Истории» г. Дрейпера очень много. Конечно, такие приемы в сочинении, «где дело идет о таком важном предмете, что романтизм и популярность неуместны», могут быть допущены только в художественной и популярной истории, а не в строго-научной, которую обещал и должен бы представить известный ученый, но, очевидно, цель представить религию и особенно христианство с невыгодной стороны у г. Дрейпера оправдывает всякие средства <...> Книга г. Дрейпера компрометирует Международную Научную Библиотеку и наших распространителей ее в русском переводе [2, с. 124, 127, 573].

Представления о позиции Н.С. Лескова по вопросу о соотношении религии и науки могут быть прослежены на материале публицистики писателя. Определенные выводы могут быть сделаны на основе его рецензии «Наука и религия» [3], появившейся в то же время, что и рецензии на книгу Дрейпера. Рецензия носит однозначно положительный характер: позиция Б. Чичерина находит сочувствие у Н.С. Лескова. Хотя Лесков и подчеркивает, что не стремится высказывать свою точку зрения, он, во-первых, обосновывает актуальность поднимаемой проблемы, а во-вторых, акценты, выделенные им при реферировании содержания книги, позволяют сделать выводы о взглядах и пристрастиях самого автора. Приводя выдержки из книги, наиболее значимые места Лесков отмечает разрядкой. Контекст статьи позволяет сделать вывод о том, что писатель выделяет те идеи, которые представляются ему наиболее актуальными для его времени. Так, важной для Лескова оказывается мысль о постоянной устремленности христианина к небесному, созерцании связи между земным и сакральным, человеческим и божественным, вместо постоянной заботы о земном благополучии (эта мысль была ключевой и в первой главе изданного писателем сборника-антологии «Зеркало жизни ученика Христова» (1877). Размышляя о сущности духовного мира, Лесков обращает внимание читателя на мысль Б. Чичерина о синтезе, который должен стать закономерным финалом истории идей: «Но окончательною целью развития представляется <...> конечный синтез

всего духовного мира». Религиозный синтез г. Чичерина показывает откровение Бога Силы в природе, откровение Слова в нравственном мире и откровение Духа в истории, которая движется к нравственному совершенству».

Большая часть маргиналий в книге «История борьбы между католицизмом и наукой»³ – подчеркивание фраз и отчеркивание на полях. В некоторых случаях, не соглашаясь с Дрейпером или сомневаясь в сказанном, Лесков ставит знаки вопроса или крестики. Оговоримся, что считать пометы в книге принадлежащими именно Лескову нам позволяет, во-первых, сама система помет, сделанных синим и графитным карандашом (аналогичные пометы, сделанные теми же карандашами, есть и в других книгах мемориальной библиотеки писателя), во-вторых, запись, сделанная писателем в начале IX главы. Заметим также, что в своих произведениях Лесков цитировал Дрейпера лишь однажды, но не эту книгу, а более раннюю (и ранее переведенную) работу «История умственного развития Европы». Отрывок из нее Лесков использует в очерке о Якушкине, приводя для сопоставления описание античного мира.

Наблюдения над читательской рецепцией Н.С. Лескова позволяют очертить круг проблем, волновавших писателя, и сопоставить ответы Дрейпера и те ответы, которые дает Лесков в своих художественных и публицистических произведениях на поставленные Дрейпером вопросы. Внимание писателя привлекают в большей степени такие главы, как «Спор относительно древности земли», «Латинское христианство в отношении к новейшей цивилизации», «Метафизические споры», «Столкновение относительно критерия истины». Первая тематическая группа сделанных писателем помет связана с одной из сквозных идей книги: официальная религия влияет на развитие государства в целом, а «притязания папства» сыграли решающую роль в формировании европейской культуры. Сходные мысли высказывались Лесковым в произведениях, включенных в запрещенный шестой том собрания сочинений, прежде всего в «Мелочах архиерейской жизни». Не случайна и столь противоречивая критика, которой были встречены в печати «Мелочи» после публикации и которая привела к запрету последующих. Если либеральная печать стремилась видеть в ней отображение малоизвестного быта русских церковнослужителей, хоть и отраженного в «Мелочах», то официальная церковная пресса постаралась попросту доказать «лживость» тех фактов, которые приводились в «картинках с натуры», и «оправдать» тех архие-

реев, которые были изображены Н.С. Лесковым сатирически или иронически. Однако, критикуя стиль, подход, жанр и авторский замысел очерков, современники не увидели в них самого важного: Лесков стремился доказать мысль о нравственном влиянии церковных деятелей на современное состояние общества. Не случайно одним из сквозных мотивов произведения стало рассуждение о «византинизме» церковных сановников. Византийский этикет, насильственно привитый церкви, основывающийся на внешнем богатстве и пышности, признается Лесковым причиной, которая мешает лучшим из архиереев «опроститься по-русски и стать людьми народными, с которыми отраднее будет ждать каких-либо настоящих мер, способных утолить нашу религиозную истому и возратить изнемогшей вере русских людей дух животворящий» [4, с. 439]. Не случайно Лесков останавливается на мысли Дрейпера о причинах возникновения инквизиции и тайной исповеди, которые видит в стремлении церкви к обогащению, для чего, в свою очередь, церковь объявляет себя единственным обладателем непреложной истины и, как следствие, единственным институтом, имеющим право на власть.

Одной из «мелочей»-анекдотов, которая служит доказательством мысли о пагубности отчуждения церкви от простого народа, становится история, герои которой – врач, брат Лескова, специалист по женским болезням, и викарный епископ Михайловского монастыря преосвященный Порфирий (Успенский). Архиерей, лишенный из-за своего высокого сана возможности физической нагрузки, даже самой простой возможности спокойно гулять пешком, начал страдать запорами. Получив помощь, он полушутя-полусерьезно жалуется доктору, что медицинская наука занимается сугубо теоретическими разысканиями (вроде исследования лучистого эпителия), тогда как никто не хочет написать диссертации об «архиерейских запорах». За комичностью описываемой Лесковым ситуации просвечивает и мысль о сходстве положений науки и религии: как врач, занятый лишь теорией, не может оказать действительной помощи больному, так и архиерей, связанный строгим церковным этикетом, лишен какой-либо возможности прямого духовного влияния на паству, которое сводится в итоге к одной лишь «раздаче благословений». Рассуждая о судьбе русских архиереев и сравнивая их общественное положение с положением католических и протестантских пасторов, Лесков приходит к выводу, что «укрывательство» архиереев от общества не только приводит к их несвободе, но и мешает общественному развитию. В каче-

стве доказательства этой мысли упоминается «один из русских епископов, человек весьма ученый и литературный, который пожелал заниматься наряду с другими людьми в залах публичной библиотеки... Говорили, будто это было найдено некоторыми широко расставленными людьми за непристойность и даже за "фанфаронскую браваду"» [4, с. 446].

Иными словами, рассматривая роль русских церковных деятелей в истории, Лесков обращает внимание не столько на их значение в государственном управлении, что стало основой для осуждения папства Дрейпером, сколько на их роль в улучшении «крайне неудовлетворительного» духовного и нравственного состояния общества. Несомненно, Лесков разделяет мысль Дрейпера о том, что «публичная и установленная религия есть пестрая система заблуждений и суеверий». Именно поэтому в книге Лесковым подчеркнуты не столько исследуемые американским ученым факты, сколько общая характеристика истинного христианства как «системы человеколюбия».

Вторая тематическая группа помет связана с критерием истинности и понятием истины в абсолютном смысле. Лескова, несомненно, заинтересовали приводимые в книге факты, касающиеся способов выявления истины и самых больших «христианских заблуждений». Так, он обращает внимание на строки, посвященные «божьем судам», которые признавались окончательным средством для решения вопроса виновности/невиновности, в форме суда посредством воды, поединка, огня, креста. В рассказе Н.С. Лескова «Владычный суд» сюжетная коллизия разрешается так же, как и в случае «божьего суда», вмешательством высшей силы, хоть и не чудесной, а вполне реалистичной. Характеристика такого «истинного суда» ясна уже из эпиграфа, взятого из соборного послания св. Иакова: «Суд без милости – не оказавшему милости».

Внимание Лескова привлекает и критика кальвинизма, проистекающая из того факта, что Кальвин велел сжечь Сервета за следующее мнение: «Истинные учения христианства были затеряны еще до времен собора в Никее» [5, с. 207]. Отметим, что и сам Лесков уже в одном из первых своих произведений, посвященных расколу, в заметке «С людьми древнего благочестия» разделил раскольников и сектантов именно по принципу принятия и исповедания Никейского символа веры.

Однако ключевая мысль Дрейпера об истинности в христианстве явно не принимается Лесковым. В начале главы «Столкновение относительно критерия истины» американский философ пишет: «Что есть истина? Таков был стра-

стный вопрос римского прокуратора в одном из самых многозначительных событий в истории. И Божественная Личность, которая стояла перед ним, к которой был обращен вопрос, не дала ответа – если молчание не заключало в себе ответа» [5, с. 193]. На полях возле этой записи Лесков ставит знак вопроса и дописывает: «Я истина». На самом деле, если следовать тексту Библии, Лесков не совсем прав. Ответ Иисуса Христа: «Я есть путь и истина и жизнь», который, по-видимому, подразумевает Лесков, был дан Фоме, а не Понтию Пилату. Вопрос же о том, что такое истина, родился у Пилата после слов Христа: «Ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего». Однако данное замечание Лескова показывает нам, что единственным критерием истины писатель считал ту нравственную позицию, которую представляет жизнь Иисуса Христа. Следование Христу, подражание ему было, по мнению писателя, основой жизни христианина, праведника.

Общий вывод, сделанный американским исследователем, был следующим: «В летописях Христианского общества самым неблагоприятным днем был тот, когда новая религия отделилась от науки». Двойное подчеркивание фразы: сначала графитным карандашом, а затем еще раз, на полях, ее отчеркивание синим – говорит о том, что Лесков разделял эту мысль и считал ее очень важной и справедливой⁵. Тезис Дрейпера, вытекающий из его деистических воззрений, Лесков разделяет, привнося в него свое понимание вопроса. Для него наука имеет лишь практическую ценность. Чтобы претендовать на обладание истиной, она нуждается в религии, в христианском объяснении мира. В качестве доказательства этого тезиса сошлемся на образ старообрядца Мароя, героя «Запечатленного ангела». Не зная физики, он, однако, благодаря своим умениям, догадался, как можно уменьшить металлические болты, заготовленные для постройки моста. Англичане видят в его действиях смекалку, основанную на знании физики. Однако рассказчик разубеждает нас в этом: Марой поступил так, как его «Господь надоумил». Авторская оценка прямо не высказывается, но ясно то, что никакой физики полуграмотный старообрядец знать не мог и не знал, а потому точка зрения англичан абсурдна.

В книге Дрейпера Лесков обнаруживает суждения, близкие к своим, но существенно корректирует их. Если для Дрейпера разрыв между религией и наукой пагубен прежде всего для религии, то Лесков смещает акцент в сторону науки. Если религиозное мышление предлагает

целостную завершенную картину мира, то наука ее предложить не может. Возможно, именно поэтому в произведениях Лескова ученые не становятся главными героями, а являются второстепенными персонажами.

В рассказе «Несмертельный Голован» появляется эпизодический персонаж, Антон, друг самого Голована, астроном-любитель, который не только проводит все время перед самодельным телескопом, но и пристрастил к этому Голована. «Свобода мышления» прощается ему только благодаря тому, что народом он признан «дурачком», юродивым. Он не делает ничего плохого, но не делает и ничего хорошего для людей, а потому кажется им и предельно опасным. В этом отношении он противопоставлен Головану, который живет добрыми делами, тогда как с Антоном окружающие ведут себя настороженно-нейтрально. Образ Антона, героя фактически внесюжетного, помогает Лескову полнее очертить образ Голована: помимо предельно высокой нравственности, главный герой еще и интересуется наукой, стремится к образованию. И Антон, и Голован представляются народному сознанию «еретиками»: Голован в силу своей исключительности был признан «молоканом» (хотя в основе этого мнения лежала «профессия» героя, который держал коров и поставлял сливки и молоко), однако это ему прощается, даже добавляет уважения; Антон же пытается рационально, научно толковать библейские пророчества, за что и осуждаем, из-за чего к нему и относятся настороженно, потому что подобные мысли прощаются только немцам или ученым, а Антон – из простонародья, и совсем не немец.

Еще один эпизодический персонаж, герой-самоучка, появляется у Лескова в «Обойденных» – это Кирилл Сергеевич Онуцин, аристократ-ботаник. Читатель узнает об этом персонаже совсем немного: он был чрезмерно увлечен ботаникой, мог часами просиживать за гербариями и совершенно не замечал людей.

Если Антон и князь Онуцин изображены, скорее, иронически, то безусловно сатирически подан Лесковым образ Варнавы Препотенского в хронике «Соборяне». Стремясь занять положение антагониста по отношению к отцу Савелию, Варнава пытается опровергнуть, свести к абсурду содержание тех библейских притч, которые изучаются на уроках Закона Божьего. Однако «достать» ему удастся лишь отца Захарию, который не может ничего ответить «дерзкому Варнавке», и дьякона Ахиллу, который слишком эмоционально реагирует на его провокации, пытаясь разрешить конфликт, основываясь не на духовной, а на физической силе. Вар-

навка прячется от Ахиллы и полирует кирпичами кости утопленника с будто бы научными целями, он смеется над абсурдностью логических мотивировок в христианских текстах, которые традиционно трактуются символически, но не может предложить достойной созидательной концепции. Подобная «наука» сама по себе не имеет никакой созидательной силы. Поэтому Варнава и боится отца Савелия, а Лесков далеко не случайно приводит «ученого героя» к трагической гибели. Однако по сюжету хроники антагонистом Савелия Туберозова оказывается не Варнава Препотенский, а Термосесов. Одним из способов характеристики героя становится энантиосемия: именно Термосесов высказывает принадлежащее самому Лескову мнение о том, что народ, «обученный грамоте», будет «святыне книги читать», что приведет «к созиданию», однако отношение к *созиданию* у автора и его героя полярно различается. Термосесов видит в образовании источник опасности, причем особо опасно, с его точки зрения, не столько само просвещение, сколько религиозная литература, так как она ведёт к подрыву авторитета власти. Для Лескова же *созидание* – одна из ключевых категорий, значимых в контексте его духовно-нравственных поисков: образование для народа означает прежде всего более глубокое знакомство с этическими заветами религиозной литературы, что и приведет к *нравственному созиданию*, формированию «свободной воли». Иначе говоря, Термосесов понимает созидание как одно из явлений общественно-политической жизни общества, а потому относится к нему крайне негативно, сам же Лесков понимал созидание как элемент нравственной жизни человека, одну из ступеней на пути к «синтезу всего духовного мира».

Другой тип ученого – Червев, выведенный Лесковым в конце хроники «Захудалый род». Княгиня Протазанова, занятая поисками воспитателя для своих сыновей, собирает различные мнения о нем. Обращаясь с этим вопросом к Дон-Кихоту, она слышит в ответ притчу об ученом, который сто книг прочитал. Решив похвастаться, ученый отправляется к мудрецу, который в ответ называет его дураком, за что обидевшийся ученый избил мудреца палкой. С точки зрения мудреца, ученый книги прочел без толку, и ему необходимо учиться снова, так как он не помнит ничего из того, что прочел. Рассказанная князем притча имеет непосредственное отношение к образу Червева, который «все, что прочел, помнит». Однако, как следует из текста хроники, сила героя еще и в том, что он «постиг путь, истину и жизнь», т.е. Христа. Иными словами, герой предстает положитель-

ным благодаря тому, что совмещает в своем мировосприятии как высокую «ученость», так и высокую религиозность, что и делает его идеальным воспитателем в глазах княгини Протазановой и, по всей видимости, автора. Отметим, что реальное отношение Лескова к прототипу Червева – Григорию Сковороде⁶ – было все же менее апологетичным, однако идея Лескова-художника заключалась в том, что в основе духовного обновления общества должен лежать синтез научного знания и христианской религии.

К идеям Дрейпера Лесков на протяжении жизни обращался, судя по всему, неоднократно: в его последней записной книжке (1893–1894 гг.) мы находим три цитаты из произведений американского философа. Они поднимают те же проблемы, которые привлекли внимание писателя при чтении «Истории борьбы...». Прочитаем их:

Мир ожидает такой книги, определительно и вполне точным языком будет сказано, что такое Бог, что такое мир, что такое душа и имеет ли человек критерий истины; что она нам объяснит: как может существовать зло в мире, Создатель которого всемогущ и всеблаг; в каких случаях людские дела определяются судьбой и в каких свободною волею; откуда мы пришли, какая цель нашего существования и что будет с нами после» /Дрейпер ч. I, 279/ [6]

Очевидно, что первая цитата привлекает внимание писателя теми же самыми вопросами, ответы на которые он искал в книгах Э. Навилля⁷: откуда в мире зло и какова цель человеческой жизни? Скорее всего, эти вопросы для писателя оставались открытыми всю жизнь, вынуждая к постоянному поиску возможных ответов. Можно предположить, что цитата привлекла внимание Лескова прежде всего потому, что в емкой и ясной форме ставит те вопросы, которые в наибольшей степени дискутировались в спорах богословов и ученых. Как было показано выше, Лесков склонялся к ответу, данному религией.

Имп. Константин /св./ выбил медаль, на которой вычеканен титул его; как «Бога», вместе с монограммой Христа, и возвел порфировый столб в 120 фут. на вершине кот. статуя, соединявши. в себе солнце, Спасителя и императора. Корпус ее /статуи/ составлял колоссальное изображение Апполлона, черты лица кот. были заменены чертами Константина, а вокруг головы, в сиянии были прибиты гвозди от креста Спасителя, найденные пред тем в Иерусалиме». /Дрейпер 240/

Папа Бонифаций VIII говорил /покаянно на суде/, что «Мы должны говорить так, как верит народ, а верить так, как немногие. Божество закона нет, существование Троицы – ложь, которой верить глупо; рождение от де-

вы – нелепость, как невозможное; будущая жизнь есть мечта» /Дреп. II, 75/[6].

В центре второй и третьей цитат находится образ лживого правителя: причина лжи императора – чрезмерный эгоизм и желание еще при жизни добиться признания собственной святости перед лицом людей, а не на Божьем суде; папы – неискренность веры, притворство и карьеризм. Можно предположить, что, делая эти выписки, Лесков задумывал их использовать в каком-либо из произведений, однако эти замыслы не были реализованы.

Взгляды писателя на отношения религии и науки не сложились в логически завершенную концепцию, однако можно утверждать, что отношение писателя к науке было двойственным: без просвещения, основанного на научном знании, он считал невозможным ни дальнейшее общественное развитие, ни обновление религиозного духа, однако наука, чуждая религиозных нравственных устоев, представлялась ему опасной для общества. Если современники писателя искали путь к разрешению конфликта между религией и наукой в решении социальных проблем и реформировании церкви, то Н.С. Лесков видит его в нравственных качествах человека: если «свободная нравственность» станет важнейшим критерием человеческих поступков, данный идеологический конфликт перестанет быть значимым и для общества в целом.

Работа выполнена при поддержке гранта Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (соглашение 14.132.21.1050).

Примечания

1. В современной литературе принято написание «Дрейпер», у самого Н.С. Лескова и его современников встречаются различные написания: Дрэпер, Дрепер, Дрэппер. В цитатах сохранено оригинальное написание, а в статье мы используем современный вариант написания фамилии.

2. «Словарь псевдонимов» И.Ф. Масанова не позволяет точно установить, кто скрывается за псевдо-

нимом. Одна из наиболее возможных кандидатур – Белокоцкий Иван Петрович.

3. Автор благодарит сотрудников Объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева (г. Орел) за возможность работы с материалами мемориальной библиотеки Н.С. Лескова.

4. Все маргиналии Н.С. Лескова в различных проанализированных нами изданиях достаточно похожи. Те отрывки, которые привлекают внимание писателя высказанными в них идеями, он подчеркивает, при этом двойное подчеркивание, появившееся в результате перечитывания, как правило, свидетельствует об особом интересе Лескова к сказанному. Отчеркиваниями на полях писатель отмечал понравившиеся ему описания, стилистические находки. Если что-то вызывало у него сомнение или несогласие, на полях книги появлялись соответственно знак вопроса или крестик.

5. О философии Григория Сковороды в романе-хронике «Захудалый род» см.: Озерова Н.И. «Захудалый род»: украинский философ Г.С. Сковорода как прототип Мефодия Мироновича Червева // Юбилейная международная конференция по гуманитарным наукам, посвященная 70-летию Орловского государственного университета. Материалы. Вып. I. Н.С. Лесков. Орел, 2001. С. 157–164.

6. Философия Э. Навиля нашла отражение в таких работах Н.С. Лескова, как очерк «Великосветский раскол» и сборник «Три праведника и один Шерамур».

Список литературы

1. П-ч. Вера и знание // Странник. СПб., 1877. Т. 2. С. 59–86.
2. М.П. Современная ученость и христианство // Православное обозрение. 1877. Т. 1. № 1. С. 111–151; № 3. С. 544–574.
3. Лесков Н.С. Наука и религия // Новое время. 1879. № 1306. С. 2–3.
4. Лесков Н.С. Мелочи архиерейской жизни // Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 6. С. 398–538.
5. <Лесков Н.С. Пометы на книге> Дрэпер Дж.У. История отношений между католицизмом и наукой. СПб., 1876. 353 с.// ОГЛМТ. Инв. 610/207 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 239.
6. Записная книжка Н.С. Лескова. РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 109.

PHILOSOPHY OF JOHN WILLIAM DRAPER IN CREATIVE INTERPRETATION OF NIKOLAI LESKOV

O.V. Makarevich

This work explores the opinion of Nikolai Leskov about one of the most discussed questions in the periodical literature of the 1860s - 1880s: the relationship between science and religion. The material for researching the writer's position includes N. Leskov's notebooks, his fiction works and publicistic writings as well as his marginalia in J.W. Draper's book.

Keywords: Nikolai Leskov's works, J.W. Draper's philosophy, religion, science.

References

1. P-ch. Vera i znanie // Strannik. SPb., 1877. T. 2. S. 59–86.
2. M.P. Sovremennaya uchenost' i hristianstvo // Pravoslavnoe obozrenie. 1877. T. 1. № 1. S. 111–151; № 3. S. 544–574.
3. Leskov N.S. Nauka i religiya // Novoe vremya. 1879. № 1306. S. 2–3.
4. Leskov N.S. Melochi arhierjskoj zhizni // Leskov N.S. Sobranie sochinenij: V 11 t. M.: GIHL, 1957. T. 6. S. 398–538.
5. <Leskov N.S. Pomety na knige> Dzh. U. Istoriya otnoshenij mezhdru katolicizmom i naukoj. SPb., 1876. 353 s. // OGLMT. Inv. 610/207 of. RK. F. 2. Op. 2. Ed. hr. 239.
6. Zapishnaya knizhka N.S. Leskova. RGALI. F. 275. Op. 1. Ed. hr. 109.